

Ю. Д. ЛЕВИН

Родословная Буянова

Одной из распространенных задач литературоведения является установление перехода литературных образов из одного произведения в другое. Такое исследование литературной генеалогии было осуществлено, в частности, Л. А. Дмитриевым в его работе, посвященной древнерусскому сказанию о Борисе и Глебе.¹ Приведенная далее заметка относится к более позднему периоду русской литературы.

Читатели «Евгения Онегина» хорошо помнят, что в строфе XXVI главы V романа при описании гостей, съезжающихся в дом Лариных на «веселый праздник именин» Татьяны, в их числе Пушкиным упомянут

Мой брат двоюродный, Буянов
В пуху, в картузе с козырьком ³⁵
(Как вам конечно он знаком)...
(VI, 109)²

Пушкинское примечание 35, на которое сделана ссылка во второй из процитированных строк, гласит:

Буянов, мой сосед,
.....
Пришел ко мне вчера с небритыми усами,
Растрепанный, в пуху, в картузе с козырьком...
(*Опасный сосед*) (VI, 194)

Этой цитатой А. С. Пушкин указывал на то, что названный им персонаж заимствован из написанной его дядей, Василием Львовичем Пушкиным, сатирической поэмы «Опасный сосед» (1811), которая из-за фривольного содержания не могла быть напечатана, но благодаря широко разошедшимся спискам была хорошо знакома читающей публике. Определением «мой брат двоюродный» А. С. Пушкин подчеркивал, что Буянов — детище или как бы сын его дяди. В этой связи Ю. М. Лотман пишет в комментарии к «Евгению Онегину»: «Л называет Буянова своим двоюродным братом {...} имея в виду, что дядя автора ЕО, В. Л. Пушкин, „произвел на свет“ Буянова, а С. Л. Пушкин — самого автора романа в стихах. Такое шокирующее уравнение реального и литературного отцовства приводит к

¹ См.: Дмитриев Л. А. «Сказание о Борисе и Глебе» — литературный памятник Древней Руси // Сказание о Борисе и Глебе. М., 1985. С. 22—23.

² Здесь и далее ссылки в тексте с указанием тома (римские цифры) и страницы (арабские цифры) даны по изданию Пушкин. Полн. собр. соч. [М.; Л.] Изд. АН СССР, 1937—1956. Т. 1—17.

тому, что в *ЕО* реально существовавшие и вымышленные герои соседствуют на равных правах, встречаются и влияют на судьбу друг друга. Это, с одной стороны, резко обостряет чувство условности текста (...) Однако, с другой — это же способствует обострению читательского восприятия действия как реально имевших место событий...».³

Ю. М. Лотман, однако, не отмечает последующих упоминаний Буянова в тексте романа. Не сделал этого и другой комментатор «Евгения Онегина» В. В. Набоков, уделивший в соответствующем месте основное внимание истории изданий поэмы «Опасный сосед» и изложению ее содержания.⁴ Эти упоминания внимательно прослежены Н. И. Михайловой, которая поместила в своей книге о В. Л. Пушкине отдельную главу под названием «Мой брат двоюродный Буянов»⁵ и специально отметила: «Страницы пушкинского романа пестрят именами писателей и литературных героев. Однако в отличие от многих из них Буянов не просто упомянут — он становится действующим лицом».⁶ В самом деле, как только на именинном балу начались танцы, так уже «умчал Буянов Пустякову» (VI, 114). Далее «мазурка раздалась» и

Буянов, братец мой задорный,
К герою нашему подвел
Татьяну с Ольгою...

(VI, 115—116)

Заметим попутно (это раньше не отмечалось в известных нам исследованиях), что Буянов таким своим поступком явился невольным виновником трагической кульминации романа — дуэли Онегина с Ленским. Ведь именно после того, как он «подвел Татьяну с Ольгою»,

...проворно
Онегин с Ольгою пошел;
Ведет ее, скользя небрежно,
И, наклонясь, ей шепчет нежно
Какой-то пошлый мадригал,
И руку жмет — и запыхал
В ее лице самолюбивом
Румянец ярче. Ленский мой
Все видел: вспыхнул, сам не свой...

(VI, 116)

Дальнейшее развитие событий читателям хорошо известно.

Но А. С. Пушкин и после этой сцены не оставляет Буянова. В следующей главе сообщается, что по окончании бала

Гвоздин, Буянов, Петушков
И Флянов, не совсем здоровый,
На стульях улеглись в столовой...

(VI, 117)

Наконец, впоследствии Буянов стремится даже соединить свою судьбу с героиней романа, Татьяной, но безуспешно; в главе VII старушка Ларина, жалуясь на то, что не может «пристроить» старшую дочь, сообщает: «Буянов сватался: отказ» (VI, 150).

³ Лотман Ю. М. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин»: Комментарий. Пособие для учителя. Л., 1980. С. 279—280.

⁴ Eugene Onegin: A novel in verse by Aleksandr Pushkin / Translated from the Russian, with a commentary, by Vladimir Nabokov. New York, 1964. Vol. 2. P. 524—526.

⁵ Михайлова Н. И. «Парнасский мой отец». М., 1983. С. 7—36.

⁶ Там же. С. 26.

«Онегинский», условно говоря, Буянов отличается от своего прообраза в «Опасном соседе»; достаточно сказать, что в его поведении совершенно нет буянства, которое оправдало бы его фамилию. Иной образ был представлен В. Л. Пушкиным. Сюжет его поэмы крайне прост. По справедливому суждению Н. М. Михайловой, «его можно назвать своего рода минус-сюжетом».⁷ Рассказчик, от имени которого ведется повествование, по приглашению своего соседа, Буянова, едет в притон к блудницам, где, однако, его свидание со «знакомкой новой» не доходит до желанного конца, потому что Буянов затевает драку с находившимися там дьячком и купцом; на шум является полицейский, и рассказчик спасается бегством, «в светлице позабыв часы и кошелек» (ст. 135).⁸ Достоинства поэмы заключаются, таким образом, не в сюжете, а в описаниях, жанровых сценах, изображении обстановки (недаром в некрологе В. Л. Пушкина М. Н. Макаров назвал поэму: «Гогортов оригинал, с которого копию снять невозможно»⁹), в многозначительных реминисценциях современной культурной жизни и литературной полемики¹⁰ и, конечно, в характере «опасного соседа» Буянова.

Уже при первом появлении сообщается его предыстория:

Буянов, мой сосед,
Имение свое проживший в восемь лет
С цыганками, с б...ми, в трактирах с плясунами...
(ст. 3—5)

Едва он «пришел, и понесло повсюду кабаком» (ст. 8). А когда герои подъехали к дому, куда Буянов стремился, на вопрос «Кто там?» —

«Проворней отворяй, нето ракалюю в зубы!»
Буянов отвечал: «готовы кулаки» —
И толк ногою в дверь, слетели все крюки.
(ст. 37—40)

А вот и драка:

Весь дом колеблется, дрожит.
О ужас! мой сосед, могучею рукою
К стене прижав дьячка, тузит купца другою;
Панкратьевна в крови, подсвечники летят,
И стулья на полу ногами вверх лежат...
(ст. 88—92)

Обстоятельная характеристика поэмы не входит в нашу задачу. Ранее уже отмечалось, что, несмотря на свою «непечатность», «Опасный сосед» получил широкое распространение и вызывал восторги. Как справедливо указывал Н. Л. Бродский, «Буянов — герой сатиры „Опасный сосед“ (...) вследствие нескромного содержания ходившей в списках, сделался в литературных кругах типическим образом одного из тех людей, кто впоследствии нашел мастерское воплощение в гоголевском Ноздре...».¹¹ И сатирическая

⁷ Там же. С. 11.

⁸ Здесь и далее с обозначением «ст.» указаны номера строк в поэме по изданию: Пушкин В. Л. Опасный сосед / Под ред. и со статьей В. И. Чернышева. Пб., 1922.

⁹ Московские ведомости. 1830. 30 авг. № 70. С. 3120. О восприятии творчества У. Хогарта в России в то время см.: Левин Ю. Д. Уильям Хогарт и русская литература // Русская литература и зарубежное искусство. Л., 1986. С. 35—61.

¹⁰ См.: Пушкин В. Л. Опасный сосед / Вступ. ст. и примеч. С. П. Боброва. М., 1918. С. 9—30, 39—48; см. также указанную главу в книге Н. М. Михайловой (выше, примеч. 5).

¹¹ Бродский Н. Л. Комментарий к роману А. С. Пушкина «Евгений Онегин». М., 1932. С. 133. См. также: Рыжов В. В. Инновация литературных образов в романе А. С. Пушкина «Евгений Онегин» // Вопросы биографии и творчества А. С. Пушкина: Межвуз. тематич. сборник. Калинин, 1979. С. 49—51.

поэма о нем с некоторыми элементами барокко резко выделялась на фоне довольно посредственного и бледного творчества Василия Львовича.

К. Н. Батюшков, ознакомившись с поэмой, писал Н. И. Гнедичу 29 мая 1811 г.: «Теперь посылаю тебе Пушкина сатиру (...) Стихи прекрасны. Вообще ход пиесы и характеры выдержаны от начала до конца (...) Вот стихи! Какая быстрота! Какое движение! И это написала вялая муза В. Л.!».¹² Сам Александр Пушкин считал «Опасного соседа» главным достижением в творчестве Василия Львовича. Еще в лицейском стихотворении «Городок» (1815) мы читаем:

И ты замысловатый
Буянова певец,
В картинах толь богатый
И вкуса образец.

(I, 100)

Примечательно в этом отношении кишиневское письмо А. С. Пушкина к П. А. Вяземскому, где он спрашивается об издании произведений своего дяди: «...скоро ли выйдут его творения? все они вместе не стоят Буянова; а что-то с ним будет в потомстве? Крайне опасаясь, чтобы двоюродный брат мой не почелся моим сыном — а долго ли до греха» (XIII, 35). Письмо написано 2 января 1822 г., т. е. почти за полтора года до того, как А. С. Пушкин принял за «Евгения Онегина», где и выступил «двоюродный брат».

В. Л. Пушкин так и прославился среди своих современников созданием Буянова. Остряк и памфлетист А. Ф. Воейков, составляя «Парнасский адрес-календарь», где вышучивал членов петербургского литературного кружка «Арзамас», в который входил и Василий Львович, писал, что тот «имеет в петлице листочек лавра „за Буянова“».¹³ И убежденность, что именно он придумал не только этот образ, но и его имя, была широко распространена. В этом отношении показательна эпиграмма Е. А. Баратынского, которую П. А. Вяземский привел в письме к А. И. Тургеневу и В. А. Жуковскому от 6 января 1827 г.:

Откуда взял Василий непотешный
Потешного Буянова? Хитрец.
К лукавому прибеж с мольбою грешной.
«Я твой, — сказал, — но будь родной отец,
Но помоги». — Плодятся без усилья,
Горят, кипят зазорные стихи,
И складные страницы у Василья
Являются в тетрадах чепухи.¹⁴

Конечно, поэма «Опасный сосед» была оригинальным творением В. Л. Пушкина. Но имя героя и некоторые черты его нравственного облика были, по-видимому, подсказаны поэту извне.

В «Евгении Онегине», как мы помним, на бал в дом Лариных приезжают и «Скотинины, чета седая» (VI, 109), восходящие несомненно к фонвизинскому «Недорослю». Подобно им, полагаем мы, и Буянов в «Опасном соседе» исторически восходит к литературе XVIII в. В 1782 г. в Москве Н. И. Новиков издавал служивший продолжением «Утреннего света» еже-

¹² Батюшков К. Н. Соч.: В 2 т. М., 1989. Т. 2. С. 174. Курсив мой. — Ю. Л.

¹³ Русский архив. 1866. № 5. Стб. 764.

¹⁴ Баратынский Е. А. Полн. собр. стихотворений. Л., 1957. С. 213. Приведено Н. И. Михайловой («Парнасский мой отец». С. 182).

месячный журнал «Вечерняя заря».¹⁵ Основное его содержание составляют статьи на религиозно-нравственные темы, толкования текстов Священного Писания, проповеди, поучения и т. п. Моралистический характер имеет и большая часть помещенных в журнале стихотворных произведений. К их числу относятся и печатавшиеся здесь сатирические эпиграммы и эпитафии, осмеивающие, как правило, не конкретных людей, а различные нравственные недостатки и пороки, что подчеркивалось частым употреблением в заглавиях значимых имен, например: «Взяточникову», «Распутному», «К г. Малоумову», «Промотаеву», «На Мечтона», «На Несмысла» и т. д. Авторы этих эпиграмм и эпитафий неизвестны: печатались они анонимно. В их числе появилась и эпиграмма «На Буянова»:

Когда Буянов где в компании бывает,
Всегда раздоры там и ссоры затевает;
Он в несогласии находит тьмы забав.
Но отчего такой в Буянове злой нрав?
Постойте, я скажу: вот та тому причина;
Он зол, властолюбив и круглый дурачина.¹⁶

Нетрудно заметить, что вторая строка эпиграммы прямо соответствует кульминационной сцене «Опасного соседа». К характеру Буянова у В. Л. Пушкина подходит и третья строка. Сама возможность знакомства Василия Львовича с этой эпиграммой, думается, сомнения не вызывает: он славился своей любовью к чтению, а соответствующий выпуск «Вечерней зари» вышел в свет, когда ему было, по-видимому, 15 лет.¹⁷ К тому же к чтению или просмотру «Вечерней зари» он, москвич, мог обращаться и в последующие годы: он собрал богатую библиотеку, в которой несомненно были и комплекты журналов XVIII в. (эта библиотека сгорела во время московского пожара 1812 г.).

Разумеется, мы далеки от того, чтобы выводить «Опасного соседа» из случайной эпиграммы 1792 г., и полагаем лишь, что эта эпиграмма подсадила В. Л. Пушкину имя его героя и послужила таким образом первичным импульсом к созданию поэмы.

¹⁵ См.: Незеленов А. Николай Иванович Новиков, издатель журналов 1769—1785 гг. СПб., 1875. С. 296—325. Существует предположение, что сам Новиков как автор и редактор в этом журнале не участвовал (см.: Макогоненко Г. П. Николай Новиков и русское просвещение XVIII века. М.; Л., 1951. С. 449—461; Берков П. Н. История русской журналистики XVIII века. М.; Л., 1952. С. 408—411).

¹⁶ Вечерняя заря. М., 1782. Ч. 2. Август. С. 316.

¹⁷ Если дата рождения В. Л. Пушкина известна точно: 27 апреля (по старому стилю), то год его рождения указывается в разных справочниках различно: 1766, 1767 и 1770. Нам представляется наиболее достоверным 1767 г. (см.: Модзалевский Б. Л., Муравьев М. В. Пушкин: Родословная роспись. Л., 1932. С. 53, № 353), поскольку на его надгробном памятнике (а умер В. Л. 20 августа 1830 г.) вырезано: «Жития его было 63 года 5 месяцев» (см. статью С. П. Боброва в кн.: Пушкин В. Л. Опасный сосед. М., 1918. С. 12).